

Л.С. Лыкошина

Польша и поляки в российском общественном дискурсе

Аннотация. В статье рассматривается формирование образа Польши и поляков в российской общественной мысли в контексте исторического развития. Анализируются характерные стереотипы представлений россиян относительно поляков, выявляются факторы, определяющие специфику бытующих в российском обществе представлений о Польше и ее народе.

Abstract. The article describes the formation of the image of Poland and Poles in the Russian social thought in the context of historical development. The author analyzes the main characteristics and stereotypes of Russians with regard to the Poles, and attempts to identify the factors determining the specifics of Russian perceptions of the neighboring nation.

Ключевые слова: Россия, Польша, образ, стереотипы сознания, общественная мысль, исторический контекст.

Keywords: Russia, Poland, image, stereotypes of consciousness, public opinion, the historical context.

Издавна образ Польши и поляков привлекал внимание русской общественной мысли, что было обусловлено как непосредственным соседством, так и извечным геополитическим соперничеством. Именно соперничество, а также конфессиональные различия во многом предопределили негативную тональность в восприятии западного соседа.

Уже в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» (XII в.) Польша предстает как государство чуждое, лишенное

благодати. Польский король Болеслав¹ рисуется в самых мрачных и неприязненных тонах, как неловкий воин, который и на коне-то сидеть не умеет из-за своего «чрева толстого», хотя летописец и вынужден признать, что Болеслав «бышесмыслень». Бесы, смущающие праведных монахов Киево-Печерской лавры, изображаются в виде ляхов [Древнерусская литература..., 1996, с. 126, 134].

Но Польша не только отталкивала, но и привлекала, прежде всего своими вольностями. В соседнем государстве виделось не только безусловное зло, но и некие, весьма заманчивые черты. Именно в Польшу бежал один из первых русских политических эмигрантов Андрей Курбский (XVI). Его переписка с Иваном Грозным – яркое свидетельство разного понимания взаимоотношений власти и общества в России и Польше. Курбский с уважением отзывается о верховенстве закона, который правит в Польше, тогда как Грозный с презрением оценивает короля Сигизмунда², который «ничем сам не управляет, но хуже последнего раба – от всех получает приказания, а сам же никем не повелевает» [Переписка Ивана Грозного...].

В Смутное время Польша изображалась как враг истинной веры, источник бед, случившихся на Руси, и воплощение коварства. Вместе с тем в Московском царстве даже в то время были и сторонники сближения с Польшей, о чем свидетельствует хотя бы история Семибоярщины и приглашения на русский престол королевича Владислава. Несколько позднее в том же XVII в. можно обнаружить свидетельства того, что в России Польша воспринималась многими как страна высокой культуры и гражданских свобод. Посредством польской литературы для многих русских открывался иной, западноевропейский мир. Влияние же польское было достаточно сильным. По мнению выдающегося российского историка В.О. Ключевского, «западноевропейская цивилизация в XVII в. приходила в Москву, прежде всего, в польской обработке, в шляхетской одежде» [Ключевский, 1988, с. 259]. Причем это влияние,

---

¹ Болеслав Храбрый (992–1025) – польский король, прославившийся храбростью и военными успехами, расширивший пределы польского государства, успешно воевавший против Киева. Тесть Святополка Окаянного. – Л.Л.

² Сигизмунд III Ваза (1566–1632) – польский король, претендовавший во время Смуты на российский престол. – Л.Л.

как отмечал Ключевский, было не прямым, а через Западную Русь. «Национальная и религиозная борьба западнорусского православного общества с польским государством и римским католицизмом заставляла русских борцов обращаться к оружию, которым была сильна противная сторона, к школе, к литературе, к латинскому языку...» [Ключевский, 1988, с. 259]. В высших кругах московской знати не редкостью было знание польского языка и наличие в библиотеках книг на этом языке. Польский язык знал царь Алексей Михайлович, латинский и польский языки учили его дети под руководством Симеона Полоцкого. Не только сыновья Алексея Михайловича, но и дочь царевна Софья знала польский язык. Как свидетельствует современник, «царский синклит польского языка не гнушался, но и читал книги и истории лясские в сладость» [там же, с. 264].

Глава посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин дал своему сыну в воспитатели пленных поляков, которые так увлекли юношу прелестями европейской жизни, что тот бежал за границу. Первый русский резидент в Польше Тяпкин отдал своего сына в польскую школу. Юноша был представлен королю Яну Собескому и произнес перед ним речь на тогдашнем полупольском – полулатинском жаргоне, за что и был награжден королем. Бегло говорил по-польски один из виднейших политических деятелей конца XVII в., фаворит царевны Софьи В.В. Голицин. Он призывал бояр отдавать детей в польские школы и приглашать в воспитатели польских гувернеров [Ключевский, 1988, с. 332].

Характерно, что польское, западное знание нередко было связано с оппозицией отечественному быту, православным обычаям. Так, один из западников того времени И.А. Хворостинин, знавший польский язык и писавший стихи на нем, по свидетельству доносчиков, «постов и христианского обычая не хранил, запрещал своим дворовым ходить в церковь, в 1662 г. пил всю страстную неделю “без просыпу”, царя называл деспотом и хотел бежать в Польшу или в Рим» [Ключевский, 1988, с. 277].

В царствование Петра I польское влияние уступает место немецкому, хотя интерес к польской истории и культуре сохраняется. В этот период, как и в прежние времена, отношение к Польше и царящим там устоям двойственное: в общественной мысли можно найти примеры как принятия и одобрения особенностей польской жизни, так и порицания и критики ее. В сочинениях Феофана

Прокоповича¹, высказываниях политиков и дипломатов XVIII в. П.П. Шафирова, А.И. Остермана, Г.И. Головкина ясно выражена идея о преимуществах абсолютизма перед республиканской формой правления. Такое мнение разделялось не всеми в русском обществе, встречая оппозицию в лице некоторых аристократов, ценивших свободу и вольности польской шляхты [Носов, 2000, с. 12]. Со временем, однако, в российском национальном сознании все более утверждалось отрицательное отношение к польским порядкам, все чаще отождествляемым с анархией.

Вместе с тем весьма примечательно, что Польша воспринималась как страна более свободная, чем Россия, русскими крепостными крестьянами, проживавшими на территориях, к Польше примыкающих, в частности в Смоленской губернии. Об этом свидетельствуют частые побеги крестьян в Польшу, на что смоленские дворяне, а также дворяне других губерний, соседствующих с Польшей, жаловались правительству в ходе заседаний Уложенной комиссии². Интересно, что, требуя от государства защитить их интересы и призвать крепостных к порядку, российские дворяне напоминали правительству о необходимости сохранения прав и привилегий, полученных ими в Смутное время от польского короля Сигизмунда Августа. Однако с момента принятия Жалованной грамоты российскому дворянству (1785) в дворянской среде все более укрепляются представления о преимуществах российских порядков перед польскими.

Как полагает историк Б.В. Носов, в официально принятой схеме изображения польского государства в России второй половины XVIII в. как бы присутствовало два образа: «...с одной стороны, дружественной Польши, с радостью встречающей благоденствия России, а с другой – страны, обуреваемой мятежным, анархическим духом, распространяемым врагами тишины в Речи Посполитой

---

¹ *Феофан Прокопович (1681–1736) – религиозный философ, государственный деятель, член Синода Русской православной церкви, идеолог Петровских реформ, полагавший, что монарх призван быть главой не только светской, но и духовной власти. – Л.Л.*

² *Уложенные комиссии – временные коллегиальные органы в России XVIII в., созданные в целях совершенствования законодательства. Наиболее значимой была деятельность Комиссии 1767 г. – Л.Л.*

(этот мятежный дух и призваны были смирить российские войска якобы во благо самой Польши)» [Носов, 2000, с. 23].

С момента принятия Конституции 3 мая 1791 г. Польша в официальной пропаганде изображается еще и как очаг пагубного республиканства и «якобинства», что в определенной мере призвано было обосновать второй раздел Польши (1792). Повышенный интерес к польской проблематике обозначился в российской общественной мысли начиная с XVIII в., эпохи разделов, когда часть Польши вошла в состав Российской империи. Уже сам факт разделов, упорное нежелание значительной части поляков смириться со своей исторической судьбой, различия в политических традициях, историческом опыте, системе ценностей, католическое вероисповедание польского народа во многом предопределили настороженно-неприязненное отношение к Польше и полякам.

Серьезное влияние на отношение россиян к Польше сыграли сочинения Н.М. Карамзина. В его «Истории государства Российского» образ «коварного ляха» представлен весьма ярко. Описание событий Смутного времени, в частности осады Троицкого монастыря, обращение к более ранним периодам истории, к занятию Киева усиливали этот отрицательный образ, делая его вполне убедительным. Отношение историка к полякам было настолько враждебным, что даже Александр I указал ему на это (как и современники Карамзина польские историки И. Лелевель, З. Доленга-Ходаковский) [Filatowa, 2002, s. 22].

XIX век, ознаменовавшийся польскими национально-освободительными восстаниями, вхождением в состав России новых территорий Польши, усилением русификаторской политики, породил серьезные проблемы во взаимоотношениях соседних народов и никак не мог способствовать формированию положительного образа поляков в русском сознании.

Несомненно, важной вехой в формировании представлений россиян о поляках стало восстание 1830–1831 гг. Отношение к самому восстанию и к его участникам было в целом отрицательным. Это отразилось прежде всего в русской литературе, главным образом в поэзии. Хрестоматийно известное стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России», стихотворения А.С. Хомякова «Ода на польский мятеж», «Киев», «Орел»; стихи К.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева, В.А. Жуковского, необычайно популярная драма Н.В. Ку-

кольника «Рука всевышнего отечество спасла», высочайше одобренная Николаем I, явились ярким свидетельством господствующих в русском обществе настроений неприятия восстания, убежденности в коварстве и неблагодарности поляков, не сумевших оценить «благодейния» Александра I по устройству жизни Царства польского, дарование полякам Конституции.

Такого рода позиции ярко проявились в статье историка М.П. Погодина «Историческое размышление об отношении Польши к России», увидевшей свет в 1831 г. на страницах журнала «Телескоп» (именно того журнала, который в 1836 г. будет закрыт за публикацию «Философического письма» П.Я. Чаадаева). В 1831 г. редактор издания Н.И. Надеждин вполне разделял официальную точку зрения. Правда, были и сторонники иной позиции, но их было немного. Чаще всего полякам сочувствовали люди, знакомые с польской культурой, как, например, П.П. Вяземский¹.

Как замечает российский ученый В.А. Хорев, в основе позиции русского общества по отношению к восстанию «лежала идеология державности, склонность к сакрализации государства» [Хорев, 2000, с. 105]. Примечательно, что через два года после взятия Варшавы, с энтузиазмом воспринятого русским обществом, графом Уваровым была сформулирована теория официальной народности. М.П. Погодин, являвшийся сторонником теории, писал в 1867 г.: «Шляхта польская является совершенно глухою ко всем словам мира, согласия, родства и совершенно чуждою не только Славянам, но даже своему собственному народу. Слепление непостижимое! Я давно уже уверился в Западном, Кельтическом или Романском ее происхождении, но теперь уверился еще вот в чем: пришельцы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединялись они у нас и в других странах, более или менее так, что шляхта и народ составляют там до сих пор два совершенно различные общества. Иначе не умею я объяснить себе последних явлений... Шляхта ны-

---

¹ Не все верят в искренность доброжелательного отношения Вяземского к Польше. Так, польская исследовательница Я. Волчук, приводя отнюдь не благожелательные отзывы Вяземского о поляках и их национальном характере, называет князя «мнимым полонофилом» // Wolczuk J. «Kościuszek skacze do Elstery» czy dlaczego rosjanie nie mogli zrozumieć polaków // Polacy a rosjanie. Поляки и русские. – W-wa, 2000. – S. 216.

нешняя, как древние Евреи, изведенные из Египта, должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне Европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю в соединении с Россией» [Погодин]. Погодин разделял точку зрения Карамзина (принимаемую многими в тогдашней России), согласно которой Польша всем ходом истории обречена на то, чтобы соединиться с Россией, и иного пути у нее нет. При этом Погодин отнюдь не был врагом поляков, напротив, высказывался о них с симпатией, правда, восстание 1863 г. побудило историка занять более жесткую позицию.

Именно Погодин оказал серьезное влияние на формирование мировоззрения одного из наиболее ярких представителей славянофильства Ю.Ф. Самарина, являвшегося сторонником концепции «предательства Польшей славянской идеи» (наиболее полно эта мысль была разработана А.С. Хомяковым). «Польское предательство», по мысли Самарина, корнями своими уходило в принятие поляками католицизма, что, по его мнению, исказило исторически предопределенный путь развития польского народа. Возвращение на истинный путь для поляков возможно лишь вследствие «реславянизации». Основой этого процесса, полагал Самарин, могло стать обращение к польскому крестьянству, которое, будучи практически изолированным от шляхты, жило своей жизнью и сохраняло славянский характер.

Эти идеи Самарина, разделяемые А.С. Хомяковым и И.С. Аксаковым, явились основой формирования программы российской политики в Польше. Принципиально важную роль в приспособлении славянофильской теории к практическим политическим потребностям империи сыграла статья Ю.Ф. Самарина «Современный объем польского вопроса» (1863), в которой автор высказывает мнение о том, что «Польша – это острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы. Глубокая несовместность и непримиримость латинства со славянством доказана историческим опытом веков, хотя у нас многие не решаются еще признать ее. Всегда и везде, чем добровольнее и искреннее латинство принималось славянскую природою, чем глубже оно въедалось в нее, тем быстрее, под влиянием этого тонкого и всепроникающего яда, она чахла, разлагалась и гибла. Ни одно из племен славянских не отдавало себя на службу латин-

ству так беззаветно, как польское... Окончательное разрешение польского вопроса, такое разрешение, которое бы удовлетворило поляков, *немыслимо без коренного, духовного их возрождения*. Нужно, чтобы Польша отреклась от своего союза с латинством и наконец помирилась бы с мыслью быть *только собою, т.е.* одним из племен славянских, служащим одному с ними историческому призванию; нужно, с другой стороны, чтобы Россия решилась и сумела сделаться *вполне собою, т.е.* историческим представителем православно-славянской стихии. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество, свободно признанное, одного просветительного начала над другим» [Самарин].

В идеях Самарина и других славянофилов отчетливо просматривается характерное для русской общественной мысли стремление не признавать идентичность поляков, а пытаться исправить ее, переделать в соответствии с собственными представлениями и нормами. Во многом это стремление объясняется геополитическим соперничеством двух стран, столкновением интересов, особенно на восточных крессах.

Попытка упрочения своего влияния была предпринята Россией после восстания 1863 г. Аграрная реформа, русификаторская политика правительства в полной мере соответствовали идее Самарина о необходимости «отрыва» крестьян от шляхты, отделения польской элиты от народной массы, основывающейся на признании коренных отличий этих двух составляющих польского народа. Со стороны царского правительства предпринимались попытки подорвать влияние католической церкви, что выразилось в закрытии ряда монастырей, репрессиях против католического духовенства, принявшего активное участие в восстании. В издаваемых М.Н. Катковым «Московских ведомостях» проводились идеи слияния Польши и России, отрицалось само существование польской нации. Польский сепаратизм осуждался в газете «Русь», издаваемой И.С. Аксаковым, как подрыв идеи славянского единства рассматривал восстание Ф.И. Тютчев.

Вместе с тем восстание 1863 г. выявило неоднозначность отношения русских к полякам. В целом в обществе господствовало отрицательное отношение к восстанию, восприятие его как очередного доказательства предательства и неблагодарности поляков. Но был и другой взгляд на события, пропагандируемый русскими

революционными демократами, в частности А.И. Герценом. Под влиянием революционной пропаганды десятки солдат и офицеров, а также студенты и гимназисты приняли участие в восстании на стороне поляков. Помощь повстанцам оказывалась в самых разных формах: от печатания листовок до материальных пожертвований. В революционной пропаганде подчеркивались такие мотивы, как патриотизм поляков, общие славянские корни русских и поляков, справедливость борьбы польского народа. Революционеры использовали и религиозную аргументацию для создания образа христианских мучеников и страдальцев, проводился мотив искупительной жертвы русских за обиды, причиненные полякам.

Восстание послужило стимулом для исторической науки в попытках объяснить специфику польской истории, увязав ее с особенностями национального характера польского народа. Консервативные и некоторые либеральные историки (Н.И. Костомаров, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский и др.) пытались особенностями национального характера объяснить правомерность распада польского государства, неизбежность разделов Польши. Оценивая национальные особенности поляков, писали об их склонности к анархии, отсутствию здравого смысла, политического благоразумия, коварстве, склонности к пьянству и разврату [Фалькович, 2000, с. 163].

Вместе с тем часть либеральных историков (В.А. Бильбасов, П.Н. Жукович, Ф.М. Уманец и др.) отмечали такие положительные моменты в государственном устройстве Польши, как институт парламентаризма, политическое равенство всех представителей шляхетского сословия, близость поляков к европейской культуре. Примечательно, что «европейскость» поляков представителями правительственных кругов расценивалась пренебрежительно и с насмешкой, как «европейничанье».

Известный русский публицист и философ Н.Я. Данилевский, рассматривая Польшу как изменницу славянства, опору Запада в славянском мире, с помощью которой он стремится решать свои задачи, делал упор на культурно-исторические факторы: «Независимое бытие Польши было продолжительнее; но если Польша была более других западных славянских стран свободна от непосредственного внешнего политического давления германо-романского мира, зато она более всех подчинилась нравственному, культурному господству Запада путем латинства и феодального соблазна,

действовавшего на ее высшие сословия; и, таким образом, сохранив до поры до времени свое тело, потеряла свою славянскую душу, а чтобы обрести ее, должна была войти в тесное, хотя, к сожалению, и недобровольное соединение с Россией» [Данилевский].

Проблема взаимоотношений России и Польши, как замечает российский исследователь С.А. Голубев, во многом определялась различиями в понимании сути национализма. Если для России был характерен национализм державный, в качестве высшей ценности рассматривающий единое мощное государство, то польский национализм был этническим национализмом разделенного народа и преследовал цели самоопределения нации, независимости польских земель [Голубев, 2000, с. 196–197]. Стремление поляков к независимости, как правило, не находило понимания в русском обществе и, наоборот, порождало по преимуществу ощущение угрозы для имперской государственности.

Не всегда тем не менее идея противопоставления двух культур – польской и российской – приводила к неприятию и отрицанию правомерности польского своеобразия. Были и попытки глубокого проникновения в специфику польской враждебности, желание понять ее корни. Так, Н.Н. Страхов¹ в статье «Роковой вопрос» (1863) писал: «Что порождает вражду, возбуждающую поляков против русских? Постараемся вникнуть в настроение поляков, перенесем себя в их положение и будем смотреть с их точки зрения. Очевидно, кроме причин космополитических и национальных, в эту вражду входит еще один элемент, который, как нам кажется, весьма существенно определяет дело. Поляки возбуждены против нас так же, как народ образованный против народа менее образованного, или даже вовсе не образованного. Каковы бы ни были поводы к борьбе, но одушевление борьбы, очевидно, воспламеняется тем, что, с одной стороны, борется народ цивилизованный, а с другой – варвары... Польша от начала шла наравне с остальной Европой. Вместе с другими западными народами она приняла католичество; одинаково с другими развивалась в своей духовной жизни. В науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации она постоянно брталась и сопер-

---

¹ Страхов Н.Н.(1828–1896) – российский философ-публицист, общественный деятель. – Л.Л.

ничала с другими членами европейской семьи и никогда не была в ней членом отсталым или чужим... Таким образом, поляки могут смотреть на себя как на народ вполне европейский, могут причислять себя к “стране святых чудес”, к этому великому Западу, составляющему вершину человечества и содержащему в себе центральный ток человеческой истории» [Страхов].

В контексте нечастых в русской общественной мысли попыток понять и принять Польшу, а то и признать ее преимущества невозможно не вспомнить о такой интересной и нетипичной фигуре, какой является В.С. Печерин (1807–1885), политический эмигрант, поэт романтик и, наверное, единственный в нашей истории монах-редемпторист¹. Много путешествуя по Европе, он оставил свои размышления об особенностях национальных типов. Писал, в частности, и о поляках, с некоторыми из которых был близко знаком. Его характеристика не отличается особой глубиной и сводится скорее к перечислению черт национального характера. Но среди этих черт явно преобладают отрицательные: лень, тщеславие, любовь к роскоши, отсутствие предпринимательской жилки. По мнению Печерина, поляки и русские представляют некую славянскую натуру, которая неспособна к кропотливому, изнурительному духовному самосовершенствованию, могущему привести к благоденствию. Поляки являются для него не представителями европейской культуры в России, а скорее «носителями европейского провинциализма, хотя и отличного от русского» [Лескинен, 2004, с. 177].

Несмотря на достаточно критическое отношение к полякам, Печерин не удалось склонить к прорусской пропаганде среди польского католического духовенства, на что рассчитывали некоторые политики в России. Печерин заявлял следующее: «Я живо сочувствую геройским подвигам и страданиям католического духовенства в Польше: если бы я был на их месте, я бы действовал, как они действуют... Я никогда не думал, что католическая рели-

---

¹ *Интересно, что именно к этому монашескому ордену принадлежит одиозная фигура современной Польши – Т. Рыдзик. Этот монах-редемпторист, активно заявляющий о себе, представляет католический фундаментализм и почти открытый антисемитизм. Т. Рыдзик руководит достаточно популярным в Польше «Радио Мария», активно пропагандирующим взгляды своего основателя. – Л.Л.*

гия, в какой бы то ни было стране, должна стать опорой самодержавию...» [цит. по: Лескинен, 2004, с. 181].

После подавления восстания 1863 г. и реформ в царствование Александра II исчезла непосредственная угроза отделения польских земель, изменилась общественно-политическая ситуация в Польше, где обозначились тенденции к бурному экономическому росту. Жизнь требовала поиска новых форм взаимоотношений с поляками, что было непросто в условиях активно проводимой русификаторской политики в Привисленском крае (это термин с 1880-х годов практически вытеснил из употребления прежде употреблявшееся название «Царство польское»). В 1880-е годы польский вопрос, как замечает С.А. Голубев, мало обсуждается в публицистике, но занимает большое место в исследованиях русских профессоров Варшавского университета [Голубев, 2000, с. 202]. В работах А.С. Будиловича, П.А. Кулаковского, И.П. Филевича и др. проводится мысль об искусственном, подогреваемом извне насаждении «польского вопроса», о стремлении поляков к проведению своего влияния в западных губерниях России. Однако меры по русификации поляков не принесли ожидаемого результата и лишь породили раздражение и недовольство польского общества.

Поиск новых решений вновь выдвигает польский вопрос на передний план в 90-е годы XIX в. Во многом этому способствовала, как полагает С.А. Голубев, публикация книги графа Леливы (псевдоним Е.Н. Матросова), где автор аргументированно критикует политику русификации, приводя факты злоупотребления со стороны российской администрации. Позиция сторонников отказа от прежнего курса встречала противодействие со стороны адептов его продолжения, настаивающих на тезисе о неспособности поляков к государственной жизни и неизбывных пороках их национального характера.

Ярким примером такого рода отношения может служить книга варшавского вице-губернатора В.И. Гурко «Очерки Привислянъ» (1897). Автор, в силу своего служебного положения осведомленный очень неплохо по всем аспектам рассматриваемой темы, обращается к проблеме национального характера поляков. Гурко отмечает присущую, по его мнению, некоторую женственность польской натуре, тщеславие, эгоизм, чрезмерную эмоциональность. Он полагает, что для поляков характерна ведущая роль

женщины в семье, причем как среди шляхты, так и простого народа. Мужчины же предаются «национальным играм», т.е. пьянству и заговорам. Польские крестьяне, по оценкам Гурко, менее активны и развиты, чем русские, вяты и медлительны. «Поляки, – пишет Гурко, – в огромном большинстве случаев совершенно неспособны на какое-либо длительное напряжение своих сил, физических и нравственных... Польский народ до сих пор ребенок, он краю не знает. Да вряд ли когда-нибудь вырастет этот народ как политическое целое до трезвого взгляда на жизнь» [Гурко, 1897, с. 5].

На фоне преобладания негативного восприятия Польши и поляков существовало и более благосклонное по отношению к западному соседу России мнение. Примером может служить работа известного русского литературоведа А.Н. Пыпина «Польский вопрос в русской литературе», опубликованная в «Вестнике Европы» в 1880 г. Ученый исходил из того, что присущие и русским, и полякам общецивилизационные ценности могут способствовать взаимопониманию двух народов. Размышляя об особенностях восприятия польского в России, А.Н. Пыпин замечал, что «враждебность, подозрение, недоверие к Польше становились наиболее популярным... взглядом русского общества на польско-русские отношения». Поляков обвиняют в чрезмерной привязанности к своему прошлому, но применительно к русским эта же черта считается «высокой национальной добродетелью». Поляков порицают за религиозное рвение, привязанность к католицизму, но для русских православие расценивается как несомненная добродетель [Пыпин, 1880, с. 707, 714].

В начале XX в. царская администрация была вынуждена признать, как и несколько десятилетий назад, крайне малую эффективность русификаторской политики и сохраняющуюся склонность поляков к своему языку и религии, «отчужденность населения от русского языка, произведений русской литературы, искусства, от русских учреждений, будь то школа или чайная, русское собрание, благотворительное учреждение, театр или выставка, наконец, от самих русских людей» [Гурко, 1897, с. 7].

Опасность польского влияния на русскую душу усматривали уже по прошествии длительного времени после подавления восстания 1863 г. такие консервативные идеологи русского национа-

лизма, как М.О. Меньшиков. П.И. Ковалевский объявлял поляков «заключеными врагами России» [Ковалевский, 1912, с. 150].

Вместе с тем у российских деятелей культуры «серебряного века» на фоне осмысления «русской идеи» в контексте европейского универсализма, появляются отличные от общепринятых суждения о Польше Н.А. Бердяева¹, Д.С. Мережковского².

После Октябрьской революции преимущественно негативное отношение к Польше и полякам сохраняется в представлениях большинства россиян, хотя приобретает несколько иную, классовую тональность. Это нашло свое выражение в творчестве В.В. Маяковского в знаменитых «окнах РОСТА». Толстые польские пань

---

¹ Н.А. Бердяев в статье «Русская и польская душа», пытаясь понять истоки сложных отношений между русскими и поляками, писал в годы Первой мировой войны: «Многое должно после войны измениться во внешней, государственной судьбе Польши, и невозможен уже возврат к старому ее угнетению. Внешние отношения России и Польши коренным образом меняются. Россия сознает, что должна искупить свою историческую вину перед Польшей. Но русская и польская душа все еще противостоят друг другу, как страшно чуждые, бесконечно разные, друг другу непонятные. Внутреннего сближения не происходит. Не явилось еще глубокой потребности понять друг друга. Польско-русский вопрос ставится и самими поляками и русскими слишком внешне, в плане политическом, и решение его колеблется в зависимости от колебания политических настроений и военных удач. Освобождение Польши сделает возможным настоящее общение между Польшей и Россией, настоящее сближение между поляками и русскими, которому доньше препятствовало угнетение Польши». – Бердяев Н.А. Русская и польская душа // Судьба России. Ч. 3: Души народов. – 1918. – Режим доступа. – http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_19.html

² Д.С. Мережковский в своей лекции «Мицкевич, Польша и Россия», прочитанной в Вильно в 1920 г., говорил о том, что «раздел – распятие Польши есть всемирное злодеяние, ответственность за которое падает не только на русское самодержавие; весь русский народ, и в особенности – русская интеллигенция, отвечает за раздел Польши. Это историческое злодеяние должно быть искуплено: Польша должна быть восстановлена в границах 1772 г. (Слова эти были покрыты аплодисментами.) Россия и Польша – родственные народы; эту мистическую родственную связь обоих народов глубоко понимал польский гений Мицкевич, завет которого таков: мы не питаем ненависти к России, есть высшая точка соединения двух народов в христианской свободе». – Лекция Д.С. Мережковского (Мицкевич, Польша и Россия) [Конспект] // Виленский курьер. – 1920. – № 246, 2 марта. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0210.shtml

изображаются наряду с врагами революции, «наемниками Антанты» и противопоставляются польским «братьям по классу», Пилсудский фигурирует в качестве марионетки, ниточки от которой находятся в руках Пуанкаре. Рисунки снабжены и соответствующими стихами Маяковского¹.

Советско-польская война не прибавила положительных тонов в достаточно негативное восприятие Польши. «Панская Польша», «белополяки» – эти термины стали постоянным элементом общественно-политического дискурса. Но классовый подход определял не только ненависть к врагам, но и сочувствие к «братьям по классу». Именно в 1920 г. на экраны страны вышел фильм «За что?» по мотивам рассказа Л.Н. Толстого о трагической судьбе польских повстанцев 1863 г., сосланных в Сибирь. В главной роли Альбины Мигурской снялась популярная в то время артистка МХАТ Коренева². В те же годы по многим театрам страны прошел спектакль «Альбина Мигурская».

Достаточно привлекательный образ граждан Польши представлен и в фильме М.И. Ромма «Мечта», где речь идет о польском в те времена Львове накануне событий 1939 г. и вхождения Западной Украины и Белоруссии в состав СССР. В фильме, где были заняты лучшие советские актеры (Раневская, Астангов, Плятт), с симпатией показаны простые поляки и евреи и заносчивый и тщеславный шляхтич пан Коморовский, стыдящийся своей бедности. Одним словом, создаваемый образ Польши определялся особенностями ситуации в СССР и идейными установками правящей элиты.

После войны Польша стала частью социалистического лагеря и официально «братской» страной. Такой она была представлена в

---

¹ *Весьма показательно стихотворение Маяковского «Польша», написанное в 1927 г., где есть такие строки: Хотя / по Варшаве / ходят резво, / ни шум не услышишь, / ни спор, / одно звенит: / офицерский звон / сабель, / крестов / и шпор... / А мы, товарищ? / Какого рожна / глазеем / с прохладцей с этакой? / До самых зубов / вооружена / у нас / под боком / соседка. – Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Худ. лит., 1955–1961. – 1958. – Т. 8. – С. 154–156. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms8/ms8-154-.htm>*

² *В 1995 г. фильм по мотивам рассказа Льва Толстого снял известный польский режиссер Е. Кавалерович. – Л.Л.*

официальной версии, в восприятии общества образ Польши также был скорее положительный. Достижения польской культуры, особенно кинематографа, знали и ценили в среде советской интеллигенции. Пожалуй, высшей точкой популярности польской культуры стали 1960-е годы. Поэт и переводчик В.Л. Британишский писал в статье «Польша в сознании поколения оттепели»: «Польское окно в Европу было одновременно окном в свободу, в свободу от бесчисленных запретов, из которых состояла наша российская жизнь» [Британишский, 2000, с. 195]. Поэт Давид Самойлов считал «любовь к Польше неизбежностью для русского интеллигента» [Самойлов, 2000, с. 277].

Но в общественном сознании присутствовало и другое восприятие Польши – как страны во многом чужой, враждебной (указывалось особенно на создание и действия Армии Крайовой в годы Второй мировой войны), населенной народом коварным и неблагодарным. Такое восприятие наиболее ярко представлено в книжке-памфлете небезызвестного редактора журнала «Наш современник» С.Ю. Куняева «Шляхта и мы», неоднократно переиздававшейся и имеющей как своих яростных противников, так и горячих поклонников [Куняев, 2014].

После демократических перемен 1989 г. отношение к Польше и полякам вновь обрело противоречивую динамику. Вступление страны в НАТО и ЕС наглядно демонстрировало прозападную ориентацию, однако и Россия в годы перестройки желала сближения или по крайней мере нормализации отношений с Западом. В то же время не следует упускать из вида, что и само российское общество далеко не было единым, и западные, демократические ценности были приняты отнюдь не всеми россиянами.

По данным социологических исследований (2013), картина отношения современных россиян к Польше и полякам выглядит весьма неутешительно. Польша воспринимается как едва ли не самое враждебное России государство (хуже к нашей стране относятся, по мнению респондентов, только США и Литва). Причем чаще этот тезис бесспорен для старшего поколения, чем для молодежи [Польша–Россия., 2013].

Свое мнение о Польше большинство респондентов составляют на основе информации в СМИ, прежде всего по телевидению и Интернету. Телевидению доверяют больше, считая, что там вся

информация проверяется, а в Интернете много недостоверного. Лишь каждый десятый участник опроса составил представление о Польше на основании личного опыта. В конечном счете возникают преимущественно поверхностные впечатления. При попытках социологов выявить ассоциативный ряд, связанный с Польшей, оказалось, что это предметы потребления, прежде всего парфюмерия, косметика и одежда.

Причину сложных взаимоотношений России и Польши респонденты видят в тяжелом историческом наследии. Кроме того, они убеждены, что поляки просто боятся сильной и амбициозной России. Участники опроса уверены, что ключевая роль в формировании негативного образа России принадлежит политической элите и СМИ. Роль же неправительственных, культурных и религиозных организаций представляется минимальной.

По мнению польского эксперта Л. Мазуркевича, «Польша и поляки занимают относительно менее заметное место в умах россиян, чем Россия и русские в сознании поляков». При этом «образ Польши в глазах россиян можно назвать нечетким и неглубоким» [Польша–Россия., 2013, с. 36]. Свидетельство тому – большое число ответов: «Сложно сказать». Интересно, что при ответе на вопрос о степени близости русского и польского народов русские называют поляков как наименее близкий народ из всех славянских народов. Те черты, которые поляки считают характерными для себя, далеко не всегда признаются в качестве таковых русскими.

Сравнивая себя с поляками, русские скорее склонны к выводу «поляки не такие, как мы» [Польша–Россия., 2013, с. 40]. По оценкам генерального директора ВЦИОМ В.В. Фёдорова, для поляков и русских характерны совершенно разные ценностные ориентации. Если для поляков это воляность, индивидуализм, свобода выбора, национальная независимость, то для русских – единство, общая судьба, коллективизм, имперскость [там же, с. 40]. По-разному оценивается и недавнее историческое прошлое. Поляки позитивно относятся к избавлению от коммунизма, возвращению в Европу, к демократическим и рыночным ценностям. В России же сильна ностальгия по советским временам, события 1991 г. расцениваются скорее как катастрофа и историческое поражение в борьбе с США [там же, с. 41].

События последних лет, и в частности украинский конфликт, не способствовали улучшению отношения россиян к полякам. Общественное мнение России и Польши по-разному оценивает события на Украине, и это отражается на взаимном восприятии народов. Согласно результатам совместного исследования, проведенного Фондом Бертельсмана, Институтом социальных проблем (Варшава) и московским «Левада-центром» (2015), две трети россиян считают отношения с Польшей плохими и очень плохими (причем еще четыре года назад две трети российских респондентов не могли оценить состояние российско-польских отношений и только 16% считали их плохими) [Jendroszczyk, 2015].

Не способствовало положительным переменам в восприятии россиянами поляков и по-разному отмеченное в России и Польше 70-летие окончания Второй мировой войны (2015). Положительно воспринимаемая большинством россиян освободительная миссия Красной Армии в Европе для многих поляков является началом новой, советской оккупации. Российское общественное сознание воспринимает такую оценку как выражение неблагодарности поляков, ярким доказательством которого являются акции по демонтажу памятников советского прошлого, в том числе советским военачальникам (например, маршалу И.С. Коневу в Кракове). Историческая память и историческая политика России и Польши в очередной раз способствуют поддержанию недоверия и отчужденности народов двух стран.

Таким образом, правомерно заключить, что образ Польши и поляков в русской общественной мысли остается двойственным с преобладанием негативных черт: на протяжении веков русские видели в поляках и близкий, и одновременно «другой» народ – вероломных и коварных изменников славянской идеи, не желающих покориться верховенству России. Этот российско-польский спор сохраняется и в наши дни.

Сегодня, как и прежде, актуальны слова нобелевского лауреата, польского поэта Ч. Милоша: «Поляки и русские друг друга не любят, точнее, испытывают друг к другу целый комплекс не самых добрых чувств – от презрения и отвращения до ненависти при наличии неопределенного взаимного влечения, всегда, правда, окрашенного недоверием... Быть может, все народы, если их рассматривать как единое целое, а не как совокупность отдельных

личностей, крайне несимпатичны, и соседи лишь открывают на их примере малоприятную правду о человеческих сообществах вообще. Весьма вероятно, что поляки знают о русских то, что русские знают о себе сами, но не хотят признаваться, и наоборот» [Милош, 2001].

Список литературы

Британишский В.Л. Польша в сознании поколения оттепели // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. – М., 2000. – С. 188–203.

Голубев С.А. Польский вопрос в России на рубеже XIX–XX вв. // *Polacy a rosjanie. Поляки и русские.* – W-wa: Wyd-wo Neriton. Instytut historii PAN, 2000. – С. 195–210.

Гурко В.И. Очерки Привислянъя. – М., 1897. – 376 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1241185/> (Дата обращения – 05.05.2015).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/danilewskij_n_j/text_1869_rossia_i_europa.shtml (Дата обращения – 05.05.2015).

Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. – М., 1996. – 345 с.

Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_mnenie_russkogo_grajdanina.html (Дата обращения – 07.05.2015).

Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч. в 9 т. – М., 1988. – Т. 3. – 415 с.

Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. – СПб., 1912. – 250 с.

Куняев С.Ю. Шляхта и мы. – М.: Алгоритм, 2014. – 336 с.

Лескинен М. Миф Европы и Польша в «Записках» В.С. Печерина // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. – М., 2004. – С. 161–181.

Милош Ч. Россия // Старое литературное обозрение. – М., 2001. – № 1(277). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/ross.html> (Дата обращения – 08.05.2015).

Носов Б. Россия и восстание Тадеуша Костюшко // *Polacy a rosjanie. Поляки и русские.* – W-wa: Wyd-wo Neriton. Instytut historii PAN, 2000. – С. 9–26.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8869> (Дата обращения – 05.05.2015).

Погодин М.П. Польский вопрос. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_polskiy_vopros.html (Дата обращения – 06.05.2015).

Польша-Россия. Социологический диагноз 2013: Отчет по изучению общественного мнения в Польше и России. – Варшава, 2013. – 44 с. – Режим доступа: http://www.cprdip.pl/assets/media/Wydawnictwa/Raporty/Polsha_Rossiya_Socjologiczeskiy_diaгноз_2013.PDF (Дата обращения – 08.05.2015).

Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. – СПб., 1880. – Вып. 2, февраль. – С. 701–735.

Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/samarin_j_f/text_1863_polskiy_vopros.shtml (Дата обращения – 08.05.2015).

Самойлов Д.С. Перебирая наши даты. – М.: Вагриус, 2000. – 508 с.

Страхов Н.Н. Роковой вопрос. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/strahov/strahov_rokovoy_vopros.html (Дата обращения – 11.05.2015).

Фалькович С.М. Роль восстания 1863 г. в процессе складывания национального стереотипа поляка в сознании русских // Polacy a rosjanie. Поляки и русские. – W-wa, 2000. – С. 157–180.

Хореев В.А. Польское восстание 1830 г. и развитие стереотипа восприятия Польши в русской литературе // Polacy a rosjanie = Поляки и русские. – W-wa, 2000. – С. 97–106.

Falkowicz S. Polski charakter narodowy w oczach rosjan. Kształtowanie się narodowego stereotypu polaka // Dzieje najnowsze. – W-wa, 1995. – Z. 2. – S. 49–52.

Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // Polacy I rosjanie. 100 kluczowych pojęć. – W-wa, 2002. – S. 21–33.

Jendroszczyk P. Jakrosjaniewidzą polaków // Rzeczpospolita. – W-wa, 2015. – 15 kwiet. – S. 4.